

ОШО

ГОРЧИЧНОЕ ЗЕРНО

КОММЕНТАРИИ К ЕВАНГЕЛИЮ ОТ ФОМЫ

СОСРЦЯ **ОШО**

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)

**Горчичное зерно. Комментарии
к пятому Евангелию от св. Фомы**

«София Медиа»

1974

Раджниш (Ошо) Б.

Горчиное зерно. Комментарии к пятому Евангелию от св. Фомы /
Б. Раджниш (Ошо) — «София Медиа», 1974

ISBN 978-5-90-752542-9

«Горчиное зерно», толкование Евангелия от Фомы, – самая удивительная книга из всех книг о Христе... «Горчиное зерно» – вовсе не милая евангельская история. На этих страницах посеяны горчичные зерна радикальной и необратимой революции, остается только заметить их ростки. Иначе с нами может произойти то же самое, что случилось, похоже, с первыми учениками Иисуса, которые его словами оправдывали собственное невежество – и тем самым утратили чудесную возможность пойти вслед за Учителем. Сохранен издательский макет.

ISBN 978-5-90-752542-9

© Раджниш (Ошо) Б., 1974

© София Медиа, 1974

Содержание

Введение	6
Глава 1	7
Беседа первая	8
Глава 2	21
Беседа вторая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ошо
Горчиное зерно. Комментарии
к Евангелию от Фомы

Copyright © 1974 Osho International Foundation

© ООО Книжное издательство «София», 2007

* * *

Введение

Я выросла в христианском окружении: семья, школа и воскресные проповеди. Из евангельских историй о жизни Иисуса складывался портрет человека доброго и мягкого – иными словами, хорошего. Мне глубоко внушили, что нужно быть доброй, мягкой и хорошей, а другую, темную сторону души держать в секрете – даже от самой себя, так как за тобой неустанно следит Бог Отец.

Со временем такое воспитание переросло в предательское и отравляющее жизнь чувство вины. Что бы я ни делала, это, по существу, ничего не меняло: я была грешницей. Не оставалось никаких надежд, не возникало даже мысли о том, что жизнь может быть радостью, праздником, счастьем. Христианское мировоззрение создавало свой мирок – крошечный, тесный, безопасный и, главное, благопристойный на вид.

Встретившись с Иисусом во второй раз, после долгих лет жизни рядом с учителем Ошо, я была потрясена мудростью и сущностью Христа. Теперь я могла различить, какой могу стать я сама, какими могут стать все люди. Я поняла, что за две тысячи лет человеческая слепота целиком и полностью исказила подлинный образ Иисуса.

Эта книга – вовсе не милая евангельская история. На этих страницах посеяны горчичные зерна радикальной и необратимой революции, остается только заметить их ростки. Иначе с нами может произойти то же, что случилось, похоже, с первыми учениками Иисуса, которые превратили его слова в оправдание собственного невежества и источник кажущегося утешения – и тем самым утратили чудесную возможность пойти вслед за Учителем.

«Евангелие от Фомы»¹ слишком часто упоминает о преобразовательском, бунтарском духе Иисуса, принесшем не мир, но меч; по этой причине оно едва ли может лечь в основу *утешительной* веры.

Ошо – это меч, который с пламенной страстью рассекает самообман и заблуждения, роняя в наши сердца горчичные зерна единственной настоящей революции – революции души.

Ма Ананд Нирвед

¹ Текст евангелия в книге цитируется по изданию: Апокрифы древних христиан: исследование, тексты, комментарии. М.: Мысль, 1989. С. 250–262; в переводе М. К. Трофимовой. – *Прим. перев.*

Глава 1

Горчичное зерно

Беседа первая

*Ученики сказали Иисусу:
Скажи нам, чему подобно царствие небесное.
Он сказал им:
Оно подобно зерну горчичному,
самому малому среди всех семян.
Когда же оно падает на возделанную землю,
оно дает большую ветвь
и становится укрытием для птиц небесных.*

Отношения между людьми очень изменились – и изменились к худшему. Пропала глубина: жена – уже не жена, а просто подружка; муж – уже не муж, а просто приятель. Дружба – это очень хорошо, но в ней нет глубины, а брак – явление глубокое. Это глубокая самоотдача, но если ничем не жертвуешь, то остаешься на мели. Если ничем не жертвуешь, далеко не прыгнешь. Можно барахтаться на поверхности, но в глубину не нырнешь.

Конечно, нырять вглубь опасно. Так и должно быть, ведь на мелководье все очень просто. Тут можно вести себя как робот и не нужно ничего сознавать. Но чем глубже, тем важнее быть начеку, потому что всюду подстерегает смерть. Боязнь глубины сделала наши отношения мелкими, как детский бассейн-«лягушатник».

Приятель или подружка – это, конечно, здорово, но им никогда не увести в те глубины, что скрыты в каждом из нас. С подружкой может быть секс, но любви не будет. Любовь пускает корни в глубине. На мелководье возможен только секс, но секс – это чувство животное, биологическое. Секс прекрасен, когда является частью глубокой любви, иначе же он просто отвратителен. Секс без любви уродлив, потому что людей ничего не связывает: они просто прикасаются друг к другу и быстро расходятся. Соединяются только тела, но не душа – не я, не ты. Вот что случилось со всеми отношениями между людьми.

Серьезные отношения напрочь исчезли, а ведь самые серьезные отношения связывают учителя и ученика. Слова Иисуса не понять, если не осознаешь всего размаха отношений между учителем и учениками. От таких отношений давно отвыкли. Жену заменила подружка, мужа – приятель, а учителя и те отношения, что связывают их с учениками, полностью исчезли. Точнее говоря, их сменили совершенно другие отношения – отношения психиатра и больного.

Взаимоотношения между психиатром и пациентом поневоле нездоровые, патологические, ведь больной приходит не в поисках правды и даже не с надеждой на выздоровление... Понятие «выздоровление» очень важно: это целостность, это святость, это глубинное исцеление личности. Но пациент приходит не ради выздоровления, ведь тех, кто действительно хочет выздороветь, называют учениками, а не пациентами. Больной просто хочет *избавиться* от болезни – это путь отрицания. Он приходит лишь для того, чтобы его силой вернули к норме и он снова мог стать частью нормального мира. Он сломался, его нужно починить, и психиатр помогает ему заново приспособиться. К чему приспособиться? К этому миру, этому обществу, которые сами безнадежно больны.

Те, кого принято называть «нормальными» людьми, – просто нормальные больные, нормальные психи. Это нормальное безумие. «Нормальные» тоже сумасшедшие, просто их безумие зажато в определенные рамки, втиснуто в установленные обществом и культурой границы. И больным считают того, кто их нарушает, пересекает общепринятую черту. Тогда все общество – а оно тоже больное – начинает твердить, что этот человек болен. Но на границах стоят психиатры, они и помогают пациенту вернуться назад – назад, в безликую толпу.

Психиатру не стать учителем, поскольку он и сам не здоров. А пациенту не стать учеником, ведь он приходит не затем, чтобы учиться. Он встревожен, но не хочет тревожиться, и потому все его усилия направлены на починку, а не на выздоровление. Психиатру не стать учителем, но на Западе думают, что это почти одно и то же; скоро так начнут считать и на Востоке. Но психиатр – не учитель, ведь он сам болен. Он умеет чинить других, и это здорово. В самом деле, почему один больной не может помогать другим? Но больной не в силах исцелить другого больного; безумцу не сделать нормальным другого безумца.

Даже ваши фрейды, юнги и адлеры страшно больны – а это не заурядные психиатры. Даже самые великие психиатры больны и патологичны. Я кое-что расскажу, и вы сами убедитесь. Фрейд содрогался при любом упоминании о смерти. Пару раз он даже сознание терял и падал со стула – и все потому, что кто-то заговаривал о египетских мумиях. Он терял сознание! А в другой раз Юнг что-то там рассказывал о смерти и трупах, а Фрейд вдруг задрожал и упал без сознания. Если сам Фрейд так боялся смерти, то что говорить о его учениках? И вообще, зачем так бояться смерти? Вы можете себе представить, чтобы Будда боялся смерти? Нет, иначе он просто не будда.

Юнг сам рассказывал, что много раз собирался съездить в Рим, побывать в Ватикане и, главное, в великой Ватиканской библиотеке, где хранятся самые редкие и сокровенные записи обо всех на свете религиях. Но стоило Юнгу купить билет, как он тут же начинал дрожать – подумать только, поездка в Рим! Что уж говорить о тех, кто стоит на пороге *мокиши*?! Юнг сдавал билет в кассу и возвращался домой. Он так и не побывал в Риме. Много раз собирался, но потом передумывал: «Нет, не поеду».

Чего тут страшного? Подумаешь, Рим! Почему психиатр так боялся соприкоснуться с религией? Потому что Рим – это просто символ, олицетворение, а Юнг разработал в голове свою философию и боялся, что она развалится. Представьте верблюда, который боится подняться в Гималаи, ведь там он впервые поймет, какое он ничтожество. Вся философия Юнга была детским ребячеством. Люди создали бескрайние, космические системы мысли, но все они теперь лежат в руинах. Боязнь приехать в Рим – это страх увидеть развалины великих философий, придуманных в минувшем.

Что уж говорить о *ваших* крошечных философиях, об этих укромных уголках, где все прибрано и красиво? Как насчет ваших домашних философий?

Даже самые великие философии рассыпались в пыль. Поезжайте в Рим и сами посмотрите! Побывайте в Афинах, гляньте, что там теперь! Где они, прославленные школы Аристотеля, Платона и Сократа? Все пошло прахом. Рано или поздно даже величайшие философии становятся пылью. Любые гениальные идеи со временем становятся ненужными, ибо мысль бrenна, как и все прочее, что придумано человеком.

Божественное можно постичь только в «безмыслии». Мыслью вечное не охватить, ведь мысль относится к миру времени. Мысли не вечны; ни философия, ни система взглядов не может быть вечной. Вот почему становится страшно.

Юнг три-четыре раза заказывал билет, а потом сдавал его. А он, Юнг, был одним из самых знаменитых психиатров. Но если он сам так боялся поехать в Рим, то что чувствовали его ученики? Возможно, вы такого страха не испытываете, но это не потому, что вы чем-то лучше Юнга, просто вы еще меньше понимаете. Он-то понимал, что в Риме его философия рухнет – стоит ему со страхом и содроганием взглянуть на развалины великих философий, как тут же мелькнет мысль: «А что будет с моей философией? Что будет со мной самим?» И Юнг просто не решился. В очередной раз сдав билет, он написал в воспоминаниях: «Я окончательно отказался от своей идеи. В Рим я не поеду».

То же самое много раз случалось и с Фрейдом. Он тоже мечтал побывать в Риме – странное совпадение, правда? – и тоже чего-то боялся. Что ему мешало? Фрейд был такой же сердитый, как все, и такой же любитель секса. Он, как и все, боялся смерти, да и поступки его были

не менее странными, чем у других, так в чем же разница? Он, возможно, был поумнее других. Быть может, он был настоящий гений, но в том, что касалось Великой Тайны, сокровенной и потаенной загадки бытия, он был таким же слепцом, как и все.

Нет, психиатрии никогда не стать религией. Самая лучшая больница никогда не превратится в храм – это просто невозможно. Психиатры, конечно, нужны, ведь люди и вправду больны, сломаны, но психиатр – это не учитель, а пациент – не ученик. Если приходишь к учителю как пациент, то обращаешься не по адресу, ведь учитель – не психиатр. И я тоже не психиатр.

Ко мне приходят и говорят: «Меня мучают душевные расстройства, неврозы, то да сё», а я говорю: «Ну и ладно, мне до твоих расстройств дела нет. Я *тебя* буду лечить. Твои болячки меня не волнуют, меня *ты сам* волнуешь. Болезни где-то там, на окраине, а в центре, где ты, нет никаких болезней».

Стоит осознать, кто ты на самом деле, как все болезни исчезнут. Они и возникают прежде всего потому, что ты сам от себя прячешься, сам себя избегаешь, стараешься сам с собой не пересекаться и вообще не очень-то хочешь себя видеть. Но почему никто не хочет увидеть себя как есть? Что плохого может случиться? Если не готов к встрече с самим собой, то и учеником тебе не стать, ведь учитель не в силах помочь тому, кто сам себя боится. Учитель может только это: помочь тебе встретиться с тобой самим.

Почему же людям так страшно? Потому, что в прошлом что-то с ними было не так. Рождается ребенок, но его не хотят видеть таким, какой он есть. В нем почти все меняют силой; это называется «воспитывать». Общество и родители не могут примириться со многими чертами его характера, и эти стороны души отрицают и подавляют. Остается совсем немного «правильного» и «хорошего», и ребенку приходится довольствоваться этим. Его вынуждают отказаться от множества граней собственной души – им просто не позволяют проявляться. И дети так старательно их сдерживают, что со временем вообще перестают замечать. Вот что такое подавление. На нем основано все наше общество.

Большую часть души ребенка подавляют, отбрасывают во тьму. Но подавленное рвется наружу, бунтует, возмущается. Оно хочет на свет, и потому его приходится заталкивать подальше снова и снова. Потому и страшно встречаться с самим собой: страшно подумать, какой она стала, эта подавленная частица души. Она-то на месте, никуда не делась. Что творится там, в подсознании? Если встретишь себя, увидишь и свое подсознание – все то, что так упорно отрицал. Вот откуда приходит страх.

Если ребенка не принимают таким, какой он есть, страх обязательно появится. Не было еще такого общества, где детям давали бы свободу. Похоже, такого общества никогда и не будет, ибо полная свобода невозможна. Итак, подавление в той или иной мере неизбежно – и все-таки каждый рано или поздно вынужден столкнуться с самим собой. Учеником ты становишься в тот самый миг, когда забываешь, что хорошо и что плохо, что можно и чего нельзя. Учеником становишься лишь в тот день, когда готов без прикрас показать себе самого себя.

Учитель – это просто повитуха. Он помогает заново появиться на свет. Какие же отношения связывают его с учеником? Ученик должен доверять, он не вправе сомневаться. Любые сомнения мешают увидеть самого себя. Когда сомневаешься, ты словно становишься меньше; во всяком случае, не можешь стать больше. Когда сомневаешься... Вот он, незнакомец, – и ты затворяешь двери; кто его знает, что этот чужак задумал, чего от него ждать. Перед чужими нельзя откровенничать, наоборот, нужно быть настороже и быстренько надеть доспехи.

Рядом с учителем ты сбрасываешь доспехи, иначе ничего не выйдет. Мы не расстаемся с частью доспехов даже наедине с любимыми – с ними мы тоже не до конца откровенны. Но перед учителем нужно быть совершенно открытым, иначе ничего не получится. Стоит скрыть хоть какую-то часть себя – и нет уже никаких отношений. Нужно полное доверие, только так

узнают тайны, только так получают ключи от дверей. Но если что-то скрываешь под доспехами, значит, сражаешься со своим учителем – а борьба с ним ничего не дает.

С учителем не нужно бороться, нужно сдаться на его милость. Но в нашем мире уже никто не умеет сдаваться без борьбы. Так уж получилось: людей три-четыре столетия учили беречь индивидуальность и быть эгоистичными. Людей учили не сдаваться, а биться до конца, не покоряться, а бунтовать, не доверять, а сомневаться. На то были свои причины, ведь наука идет вперед путем сомнений. Наука – это глубокий скептицизм. В ней ничего не принимают на веру, главное в ней – логика, доказательства, сомнения. Чем больше сомневаешься, тем научнее твой подход. Но наука и религия ведут в совершенно разные стороны.

Религия опирается на доверие: чем сильнее веришь, тем ты религиознее. Наука творит чудеса – чудеса вполне осязаемые. Религия сотворила еще больше чудес, но почти все они незримые. Что увидишь, глядя на будду? Что можно увидеть обычными глазами? Будда незрим, видно только его тело, и со стороны он выглядит таким же, как все, обычным смертным. Однажды он состарится и умрет, но это внешняя видимость, ибо незримо он бессмертен. Но мы не умеем видеть незримое и ощущать сокровенное, непостижимое. Только глаза веры способны постепенно, шаг за шагом, становиться все острее и различать главное. Доверять – все равно что вообще закрыть глаза. Потому и говорят, что вера слепа. Про любовь говорят то же самое, но вера видит еще меньше, чем любовь.

Но что будет, если закрыть глаза? Произойдет внутреннее преображение. Куда девается сила зрения, когда закрываешь глаза? Эта сила уходит внутрь. Теперь она не может переходить из глаз на внешние предметы, и потому обращается вспять, разворачивается. Энергия должна двигаться, она не может стоять на месте, и, если перекрыть ей один выход, она отыщет другой. Если закрыть глаза, то энергия зрения развернется – и станет другой. Она направится прямо в *третий глаз*. *Третий глаз* – это не материальный орган. Речь только о том, что энергия зрения, направленная обычно на внешние предметы, возвращается к своему источнику. Потому и говорят, что она становится *третьим глазом*, третьим органом зрения, который видит мир совсем иначе. Лишь он может разглядеть Будду. Иисуса постигают только *третьим глазом*. Если нет *третьего глаза*, ты можешь сколько угодно рассматривать Иисуса снаружи, но все равно упустишь главное. Так было со многими.

В родном городе Иисуса все считали его просто сыном плотника Иосифа. Никто – ни один человек! – не заметил, как сын плотника стал вдруг Сыном Божиим. Это внутреннее преображение. И когда Иисус сказал: «Я – сын Божественного, и Отец мой на небесах», – все засмеялись и ответили: «Ты либо безумец, либо дурень, либо большой хитрец. Разве сын плотника может стать сыном Бога?» Может, поверьте...

Тело рождает на свет только тело, а Сокровенное рождается не от тела, а от Святого Духа, от Божественного. Но для начала нужно иметь глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать.

Понять слова Иисуса очень трудно, без серьезной подготовки ничего не выйдет. Это все равно что классическая музыка. Когда впервые ее слышишь, думаешь: «Что за ерунда?» Она такая утонченная, что к ней приходится долго привыкать. Лишь после долгих, очень долгих занятий твои уши начинают улавливать тончайшие звуки – и тогда с классической музыкой уже ничто не сравнится. Тогда понимаешь, что обычные песенки, вроде тех, что поют в кино, – это вообще не музыка, просто глупый шум. Когда уши не умели еще слышать, ты считал, будто этот шум и есть музыка, но для того, чтобы разбираться в классике, нужен чуткий слух. Нужен опыт, и чем больше слушаешь, тем больше тонкостей замечаешь. Но даже классическая музыка – ничто по сравнению со словами Иисуса, ибо это музыка космическая. Нужно сидеть так тихо, чтобы в глубине души не возникало ни звука, ни единой мысли. Только тогда можно расслышать Иисуса, понять его, постичь его слова.

Иисус все время говорит: «Имеющие уши да услышат, имеющие глаза да увидят! Вот я, здесь!» Почему он так часто это повторяет? Зачем? Он говорит об особом понимании, на

которое способны только настоящие ученики. Мало кто понимал Иисуса, но это вполне естественно, так и должно быть. Понимающих было совсем немного – и кем были эти люди? Это были не какие-то там образованные ученые, не университетские профессора, не пандиты и не мыслители, нет! Самые простые люди: рыбак, земледелец, башмачник, проститутка – самые обычные люди, самые заурядные из заурядных.

Почему же они его понимали? Выходит, в этих обычных людях было что-то необычное. У заурядных людей и вправду есть кое-что особенное, чего лишены так называемые «незаурядные» личности. Знаете, что это? Скромность и доверчивость.

Чем больше развиваешь ум, тем меньше доверия. Доверия тем больше, чем меньше упражняешь ум. Земледелец верит, у него нет причин сомневаться. Он бросает зерна в почву и верит, что они взойдут и в свой срок из земли покажутся ростки. И ростки действительно появляются. Земледелец просто верит, молится – и в свой час зерна прорастают и становятся колосьями. Человек лишь верит и ждет. Он живет среди деревьев, трав, рек и гор. Тут нет причин для сомнений: деревья не хитрят, и от них не нужно отгораживаться доспехами. Холмы никогда не обманут, нет смысла их опасаться – это ведь не политики, не преступники. Тут бояться нечего, тут можно быть открытым.

Именно поэтому среди холмов нас охватывает внезапное упоение. Откуда оно берется? Из самих холмов? Нет, из глубины души, потому что тут нечего бояться и можно сбросить доспехи. Подходишь к дереву – и понимаешь, что оно прекрасно, но это чувство исходит не от дерева, а изнутри. Рядом с деревом не нужно быть настороже, и ты чувствуешь себя уютно, как дома. Цветок не бросится на тебя исподтишка, а дерево ничего не украдет. Поэтому мы забываем о защите, когда гуляем среди холмов, или на берегу моря, или в лесу.

Тот, кто живет рядом с природой, всегда доверчивее. Там меньше заводов, меньше машин, меньше техники. Жизнь на природе приучает доверять другим. Трудно представить, чтобы Иисус родился в Нью-Йорке! Там могут появиться разве что чудаки, мнящие себя иисусами, но не сам Иисус. Кстати, эти чудаки – обычные психи; Иисус для них – просто оправдание. Нет, нельзя и помыслить, будто Иисус мог родиться в Нью-Йорке. Впрочем, родился он там, никто бы его не слушал. Приди он туда, никто бы его не узнал. Он родился в дотехнологический, донаучный век, он был сыном плотника. Всю жизнь он прожил среди бедных и простых людей, привыкших быть рядом с природой. И эти люди умели доверять.

Как-то Иисус пришел к озеру. Было раннее утро, солнце еще не показалось. И там были два рыбака. Только они забросили сеть, как вдруг появился Иисус и сказал: «Глядите-ка! Как проходит ваша жизнь? Я мог бы сделать вас ловцами человеков. Зачем тратить время на ловлю рыбы? Давайте ловить людей, раскидывать другие сети. Идите со мной!»

Если бы он заглянул с такими словами к вам в контору или городскую лавку, вы бы ответили просто: «Иди прочь! У меня нет времени, не отвлекай меня!» Но те два рыбака просто глядели на Иисуса и не сомневались, что он сказал правду. Поднималось солнце, и этот незнакомец, Иисус, был прекрасен. А глаза! Его глаза были глубже озера, и сиял он ярче восходящего солнца. Рыбаки бросили сеть и пошли за Иисусом.

Вот что такое доверие. Никаких вопросов: «А ты кто такой?» Они не знали, кто это, он был нездешний, они его прежде в глаза не видели и слухом о нем не слыхивали. Но сказанного хватило. Достаточно было позвать, предложить. Они услышали его слова, посмотрели на Иисуса, почувствовали его искренность – и пошли за ним.

Не успели они выйти из деревни, как прибежал какой-то человек и крикнул рыбакам: «Вы куда? Стойте! Ваш отец умер! Бегите домой!»

И рыбаки спросили Иисуса: «Можно сходить домой и похоронить отца? Потом мы вернемся».

А Иисус сказал: «Не тревожьтесь о мертвых. Пусть мертвые хоронят своих мертвецов. Встаньте и идите за мной, а о мертвых не беспокойтесь». И рыбаки пошли с ним дальше. Это доверие: они слышали слова Иисуса, они видели его.

Он имел в виду вот что (и был совершенно прав): «Что можно поделаться, раз ваш отец уже умер? Он умер, и это все. Спешить уже некуда. А в этой деревне полно мертвецов, и они похоронят вашего отца честь по чести, проведут все обряды и положат его в землю. Не волнуйтесь и идите за мной». Они пошли, и больше не заговаривали о возвращении, даже ни разу не оглянулись. Доверять – значит не оглядываться. Доверять – значит не возвращаться назад.

Сомневающийся всегда озирается назад, постоянно думает о том, как было бы лучше, *что* он сделал не так. Такой человек рассуждал бы, правильно ли он поступил и что делать дальше: вернуться или все-таки пойти за этим безумцем? Он называет себя сыном Бога, но кто его знает, кто он на самом деле? Никто ничего не знает ни о Боге, ни о его детях – а этот человек на вид точь-в-точь как все люди... Но рыбаки пошли за Иисусом.

Если пошел за таким, как Иисус, то рано или поздно станешь похожим на него, но сначала нужно решиться и пойти следом. Со временем почувствуешь, что он и вправду сын Божий, – и это еще не все, ведь благодаря ему станет ясно, что ты тоже сын Бога. Но вначале нужно довериться. Если возникла хоть тень сомнения, двери останутся закрытыми.

Правильные отношения между учителем и учениками исчезли за три столетия научных достижений. Наука добилась таких успехов, что научилась творить чудеса, – чудеса, впрочем, бессмысленные, ведь они ничуть не помогли людям стать счастливее. Чудеса лишены смысла, если не приносят счастья. Но наука, скорее, лишает радости. У нас все больше техники, больше удобств – а счастья меньше. Вот какие они, чудеса науки! Чем больше делают машины, тем меньше нужны сами люди. А чем меньше нужны люди, тем острее у них чувство тщетности, бесполезности, бессмысленности жизни. Рано или поздно компьютеры окончательно нас заменят – и мы вообще никому не понадобятся. Можно будет смело пойти и покончить с собой: компьютеры и без нас со всеми делами справятся.

Счастье – это когда ты нужен. Только тогда ты счастлив, ведь ты чувствуешь, что живешь не напрасно, в твоём существовании есть смысл. Ты знаешь, что нужен, и без тебя все будет иначе. Но в наше время есть ты или нет – это ничего не меняет. Точнее говоря, без тебя, пожалуй, будет только лучше, поскольку машины со всем справляются намного быстрее. Ты – ненужная деталь, устаревшая модель. Человек сегодня – самая устаревшая штука на свете, ведь у всего остального каждый год появляется новая версия: очередная модель «форда», улучшенный вариант каждой вещи. Только человек остается прежним. Это антиквариат среди кучи новинок.

В наши дни люди не могут избавиться от ощущения бессмысленности, ибо никому они не нужны. Даже своим детям ты не нужен, ведь о них может позаботиться государство и всякие социальные службы. Ты не нужен отцу и матери, у них и без тебя будет где жить – об этом, опять же, позаботится государство с его казенными домами. Кому ты нужен? И можно ли быть счастливым, если понимаешь, что никому не нужен и давно стал бесполезным грузом? Но раньше люди действительно были нужны.

Был такой еврейский мистик Гиллель, и был он, скорее всего, настоящим праведником. Но однажды Гиллель молился Богу и сказал: «Ты не думай, что это только Ты мне нужен. Я Тебе тоже нужен! Кем бы Ты был без меня? Кто молился бы Тебе, не будь Гиллеля? Кто искал бы Тебя в небе? Без меня Ты – никто, так что запомни: Ты нужен мне, это правда, но и я нужен Тебе».

Когда ты нужен всей Вселенной, даже самому Богу, твоя жизнь полна смысла, у нее есть значение, особая важность. Но сейчас ты не нужен никому. Исчезни ты – никто и не заметит. Ты – ничто. Техника создает все удобства и делает тебя лишним. Техника улучшила наши

дома, но не смогла улучшить человека, поскольку человек живет в ином измерении и оно никак не связано с машинами. Это измерение сознательного, а не механистического.

Науке не под силу создать Будду или Иисуса. На что наука и вправду способна, так это создать общество, в котором Будда никогда не появится. Многие приходят ко мне и спрашивают, почему сейчас нет ни будд, ни *тирхханкар*, ни Иисусов. Да из-за вас самих! Это вы создали такое общество, где и обычным-то людям трудно жить, не говоря уже о просветленных! Даже если бы он и появился, его бы все равно не узнали! Дело не в том, что будды перестали появляться, просто сейчас их куда труднее узнать. Кто знает, может, вы каждый день проходите мимо будды по дороге на работу и не узнаете только потому, что давно ослепли?

Доверие исчезло. Запомните: Иисус жил в эпоху доверия, безграничного доверия. Его величие, все его значение для мира можно увидеть только через призму доверия. Давайте же перейдем к тому, что говорил сам Иисус.

Ученики сказали Иисусу:

Скажи нам, чему подобно царствие небесное.

Это не тот вопрос, какой задают из праздного любопытства. Ученики не собирались о чем-то спорить. Их вопрос был задан по простоте души. Иисус может ответить на вопрос, только если тот задан по простоте души. Знаете, как это определить? Вот вы спрашиваете: «Есть ли на свете Бог?» – а у самих уже наготове какой-то ответ. Вы и так уверены, что Он есть, а ко мне приходите только ради подтверждения. Или наоборот: знаете, что Его нет, а меня спрашиваете лишь для того, что понять, разбираюсь я в чем-то или нет. Если у вас уже готов ответ, то вопрос задан из лукавства, а не по простоте души. И на него Иисус не станет отвечать, ибо отвечает он только на настоящие вопросы.

Когда ученик задает вопрос, у него в голове нет никакого ответа. Он не знает ответа, просто не знает, потому и спрашивает. Запомните хорошенько: прежде чем спросить, подумайте, зачем задаете этот вопрос. Может быть, вы и так знаете ответ? Тогда нет смысла и спрашивать. Даже если я отвечу, вы все равно не поймете. Среди ваших познаний не найдется пустого места для моего ответа. Там ведь уже есть какой-то ответ. Вы составили мнение заранее, вы уже отравлены.

Есть два вида вопросов: одни задают, когда знают, и это бессмысленно, ведь такие вопросы ведут не к диалогу, а к спорам. Но когда спрашиваешь по незнанию, когда сам понимаешь, что не знаешь ответа, – знаешь, что не знаешь, и потому спрашиваешь, – вот тогда и становишься учеником. Никаких споров не будет. Когда хочешь пить, просишь воды; когда хочешь есть, просишь еды. Когда не знаешь, спрашиваешь – и готов взять что дадут. Настоящий ученик задает вопрос, зная, что не знает. Понимание собственного незнания – это скромность. Знание всегда делает эгоистичным, а с гордыней Иисус не разговаривает.

Ученики сказали Иисусу (и «ученики» означает здесь, что они прекрасно сознают, что ничего не знают):

Скажи нам, чему подобно царствие небесное.

Иисус постоянно говорил о царстве небесном, и это само по себе причиняло много неприятностей. Проблема была уже на уровне слов, потому что «царство» – понятие политическое, и политики побаивались Иисуса. Его и распяли только поэтому. Они подумали: «Этот человек твердит что-то о царстве, которое будет скоро на земле, да еще и величает себя царем этого царства. Выходит, он призывает к бунту против нынешней власти. Он ведь какое-то другое царство обещает, так?»

Царь, наместник, чиновники, священники – все до смерти перепугались. А Иисус был человеком влиятельным, ведь его слушал простой народ. И не просто слушал – люди, послушав его, менялись, в них разгоралось пламя, они совершенно другими становились, что-то новое появлялось в душе. И потому священники, наместник Понтий Пилат, царь Ирод и его

правительство – все перепугались. Он казался слишком опасным. На свете не было еще такого мирного человека, а они его боялись! Они так и не поняли, кто он.

Таких, как Иисус, очень часто не понимали. Вся беда была в том, что ему ничего другого не оставалось, как пользоваться обычным языком – другого просто не было. Что бы он ни хотел сказать, говорить приходилось на обычном языке. Ничего другого не оставалось, а слова обычной речи слишком многозначны. Они и без того перегружены, у каждого слова тысячи значений. Иисус говорил только о царстве Божьем, о царстве небесном. Опасным оказалось само слово «царство» – от него слишком пахло политикой.

Иисус не был революционером в обычном смысле этого слова. Он и вправду был бунтарем и призывал к мятежу – но не в этом мире, а в мире души. Однако его слов не понимали даже ученики. Когда ты приходишь к учителю, встречаются два совершенно непохожих измерения. Это как соединение неба и земли – узенькая полоска горизонта. Если ты доверяешь учителю, то сможешь взмыть в небо; если доверия нет, то останешься на земле. Доверие помогает распахнуть крылья и взлететь, а без него от земли не оторвешься. Иисус всегда несет опасность. Что еще за царство небесное? Какое оно? Это царство – полная диаметрально противоположность царства земного. Иисус повторял это постоянно, но никто не мог понять. Он говорил: «В царстве Божьем нищие станут самыми богатыми, а последние будут первыми». Он говорил точь-в-точь, как Лао-цзы. Впрочем, они с Лао-цзы вообще похожи: «В моем царстве небесном последние будут первыми». Иисус говорил, что кроткие станут самыми значительными, беднейшие – самыми богатыми, и кого тут презирают, там станет уважаемым. В царстве Божьем все будет наоборот! И это правда.

Если стать у спокойной реки и глянуть в воду, отражение будет перевернутым. Отражение вообще всегда перевернуто. На самом-то деле, это в нашем мире все вверх тормашками, и, если хочешь привести его в порядок, нужно просто вывернуть все наизнанку. Но это выглядит так, будто все поставлено с ног на голову. Такое состояние хаоса необходимо.

Будда стал нищим – последним человеком на этой земле. Он родился царем, но царство Божье наследуют не первые, а последние. И он оставил свое земное царство, потому что тут, на земле, любые царства бесполезны, это просто лишняя ноша. Можешь таскать ее на плечах, но проку от этого не будет. Наоборот, она тебя погубит. Это не пища, а яд, пусть и такой медленный, что очень долго отравленным себя не чувствуешь.

Один человек сидел и пил горькую. Его приятель проходил мимо и сказал: «Ты что делаешь? Это ведь медленный яд!»

«А я и не тороплюсь», – ответил пьяница.

Сама жизнь – это медленный яд, ибо от нее рано или поздно умирают. Жизнь просто убивает нас, и ничего больше. Спешить ты или нет – на силе отравы это не сказывается. Она все равно убивает: медленно, но верно. Царство земное – мир смерти, а царство небесное – мир вечной жизни. Потому Иисус и сказал: «Кто готов, пойдем со мной. Я подарю вам жизнь изобильную».

Иисус пришел как-то в одну деревню. Его мучила жажда, и он направился к колодцу. Женщина набирала там воду, и Иисус попросил: «Мне хочется пить. Дай мне глоток воды».

Она ответила: «Не могу. Это запрещено, потому что я из самой презираемой касты».

«Не волнуйся, – сказал Иисус. – Дай воды мне, а я взамен напою тебя – из своего колодца. Сделаешь из него один глоток, и тебя никогда больше не будет мучить жажда».

Ученики спрашивают: «Чему *подобно* царствие небесное?» Непознанное можно описывать только сравнениями. Так появилась мифология. Миф – это попытка описать то, о чем ничего не известно и что невозможно понять в обычном состоянии ума, сравнивая неведомое с чем-то хорошо известным. Стремление передать непознанное понятными словами – вот что такое миф. Он помогает хоть что-то понять.

О царстве небесном просто так не расскажешь. Нет подходящих слов. Точно не узнаешь, пока сам туда не попадешь. И любые слова будут неправильными. Истину вообще словами не выразишь. Чем же тогда годами занимались Иисус, Лао-цзы и Будда? Что они делали, если все равно не могли выразить истину словами? Они пытались объяснить необъяснимое с помощью понятных символов. Они старались выразить неведомое с помощью известного. Это самое трудное на свете – придумывать мифы, притчи, легенды.

Есть глупцы, которые пытаются анализировать мифы, препарировать их. А потом они говорят: «Да это миф, небылица». Анализируют, препарируют, режут мифы скальпелем – и говорят: «Это миф. Это не настоящая история». Но кто сказал, что миф – это история? К тому же мифы нельзя резать на части, миф – это просто символика. Представьте дорожный столб со стрелкой, а под ней надпись: «Дели». Эти люди рубят столб в щепки, распиливают стрелку, смывают буквы, а потом говорят: «Ерунда тут написана. Мы не нашли никакого Дели!»

Мифы – это дорожные столбы со стрелками, обращенными в сторону неведомого. Миф – не сама цель, а только указатель направления. Вот в чем смысл вопроса учеников: «Скажи нам, чему подобно царствие небесное». Нет смысла спрашивать, *какое* оно, царство небесное. Почувствуйте разницу: спрашивать, *какое* оно на самом деле, было бы глупо. На такой вопрос невозможно ответить. Можно спросить лишь о том, на что оно *похоже*. Иными словами, вопрос звучит так: «Скажи нам что-то такое, что мы сможем понять. Покажи направление, чтобы мы могли хоть чуток представить себе непознанное».

Все равно что слепой спросил бы, на что похож свет. Глупо спрашивать, какой он, свет, если ты слеп. Сама постановка вопроса не позволяет на него ответить. Никто не в силах дать ответ на такой вопрос. Свет можно просто увидеть, но для этого нужны глаза. Другое дело – вопрос «На что похож свет?». Он означает: «Говори теми словами, какие в состоянии понять слепой».

Притчи и мифы – это истины, рассказанные языком слепых. Не нужно резать их на части, в отдельных фрагментах ничего нет. Это только подсказки. И подсказки очень точные, если доверяешь учителю.

В одном японском храме не было статуи Будды. Все входили и тут же спрашивали: «А где же статуя?» Но статуи не было, там стоял только постамент, а на нем – палец, указывающий на небо. Это и был Будда. Священник так и говорил: «Вот он, Будда». Не знаю, понимал ли смысл сам священник, но все видели только палец, обращенный вверх. Вот что такое Будда: палец, указывающий на луну!..

Ученики спрашивают, на что похоже царство небесное: «Расскажи, расскажи нам притчу, простую сказку, понятную даже детям. Мы не знаем, мы никогда его не видели. Расскажи, чтобы мы хоть чуть-чуть могли себе представить». Иисус сказал им:

*Оно подобно зерну горчичному,
самому малому среди всех семян.
Когда же оно падает на возделанную землю,
оно дает большую ветвь
и становится укрытием для птиц небесных.*

Иисус часто говорил о горчичном зерне, и на то есть много причин. Прежде всего, горчичное зерно – самое крохотное. Бог невидим, он так мал, он меньше всего на свете, – как же рассказать об этой малости? Самое маленькое, что можно разглядеть, – это горчичное зерно. Все, что меньше его, нам неизвестно, потому что неразлично. Горчичное зерно – это предел видимого, мельчайшая на свете вещь, которую можно разглядеть глазами. Оно крошечное, и все же его еще видно. Если бы мы могли видеть лучше, то попали бы в тончайший мир бесконечно малых вещей. Горчичное зернышко отмечает границу малости.

Но горчичное зернышко – не только самая крохотная вещь, различимая зрением. Кроме того, у него есть удивительное свойство: вырастая, горчица становится самым большим дере-

вом². Вот он, парадокс: самое маленькое зернышко – и самое большое дерево! Бог неразличимо мал, а Вселенную не охватить взором. Вселенная – это дерево, растение, а Бог – зерно. Бог не проявлен, а Вселенная проявлена.

Даже если разрежешь семя, дерева не найдешь, сколько ни ищи. Можно, конечно, сказать, что нет там никакого дерева, и только дураки думают, будто в маленьком семени прячется большущий ствол. Вот так и рассуждают ученые: назовешь цветок красивым, а они отнесут его в лабораторию, разрежут на куски и скажут, что не нашли никакой такой «красоты». Они будут макать цветок в реактивы, проводить анализы, брать пробы, рассуют кусочки цветка в кучу пробирочек с бирками – а потом скажут, что ни в одной пробирке «красоты» не обнаружено. Выйдут из лаборатории и скажут: «Тебе, небось, просто померещилось – нет там никакой красоты. Мы каждый лепесточек изучили, разобрали весь цветок на атомы и ничего особого не обнаружили».

Есть вещи, которые понятны только во всей полноте. Их нельзя делить на части. Они больше, чем сумма их частей, вот в чем вся штука. Это главная беда искателей истины. Истина больше, чем простое соединение ее частей. Это не сумма, а нечто большее. Музыка – это не просто сумма отдельных нот и звуков, нет, она гораздо больше! Когда ноты сливаются друг с другом, возникает гармония – и этой гармонии не было ни в одной отдельной нотке. Я вот говорю с вами – можете раздробить эту беседу на отдельные слова и найти каждое из них в словаре, но меня вы в словаре не найдете! Возьмите вместо меня словарь и скажите: «Тут и так есть все его слова, зачем же его слушать?»

Марк Твен поддался однажды на долгие уговоры своего приятеля и пришел послушать его проповедь. Тот приятель был священником и знаменитым, очень красноречивым оратором, все его ужасно хвалили. Когда он говорил, в церкви собиралась целая толпа, а Марк Твен еще ни разу не приходил. Но приятель так его упраскивал, что в конце концов Марк Твен сказал: «Ладно, обещаю, что в это воскресенье приду».

К той проповеди священник готовился особенно тщательно. Он был очень рад, что придет Марк Твен, и вложил в речь всю душу. Марк Твен сидел в первом ряду, и священник прочитал лучшую в своей жизни проповедь. Он говорил от всего сердца. Речь и вправду получилась прекрасная – настоящая поэтическая симфония.

Но к концу проповеди священнику стало не по себе, потому что Марк Твен выглядел совершенно безучастным. На его лице ни разу не мелькнуло и тени одобрения. Собравшиеся то и дело аплодировали, все были в полном восторге, а Марк Твен сидел себе с каменным лицом, так что нельзя было понять, нравится ему или нет. Ему, похоже, вообще было все равно, а равнодушие часто убийственнее неприятия: даже если тебе что-то не нравится, это все-таки какая-то реакция. Это значит, что происходящее имеет для тебя какой-то смысл. Но если ты равнодушен, значит, не видишь смысла даже возражать, настолько все это тебя не трогает.

Когда проповедь закончилась, Марк Твен с приятелем вместе пошли к машине. Священник и слова не мог из себя выдавить и потому молчал. И только когда Марк Твен выходил из машины, его друг отважился спросить: «Кстати, как тебе моя проповедь?»

И Марк Твен сказал: «Знаешь, ничего нового. У меня дома тоже есть книга, откуда ты все это переписал. Меня не проведешь: твоя речь – чистый плагиат. Остальные, похоже, ничего не заподозрили, но я-то человек образованный и ученый. Между прочим, я в эту книгу буквально накануне вечером заглядывал».

Священник лишился дара речи: «Что за чушь? Я сам подготовил проповедь от начала до конца! Невероятно!»

² На самом деле горчица – это совсем небольшое однолетнее травянистое растение с желтыми цветочками, из семейства крестоцветных. Семена ее действительно очень малы – 1000 семян весят около 4 г. Впрочем, какое все это имеет значение? – *Прим. ред.*

«В этой книге есть вся твоя речь слово в слово. Завтра я передам ее с посыльным». Наступило утро: от Марка Твена принесли толстенный словарь и записку: «Клянусь, ты найдешь тут каждое слово из своей вчерашней проповеди!»

Так мыслит ученый. Он мгновенно убивает любую поэзию. Он твердит, что речь – это просто набор слов. Между строками, между словами он ничего не замечает – а поэзия именно там. И красота, и восторг, и Бог, и все, что по-настоящему важно, кроется между мирами, между строчками.

Горчиное зернышко – самое маленькое, но в нем таится самое большое. Бог так мал, что его не разглядеть, он – мельчайшее, что есть, он – горчиное зернышко, но Вселенную-то мы в состоянии увидеть! А раз есть Вселенная, то должно быть и семя. Разве дерево появится без семени? И не так уж важно, можно ли это семя увидеть. Разве Вселенная может не иметь первопричины, источника? Взгляните на Ганг – может появиться река без истока? А такая бескрайняя Вселенная – неужели у нее источника нет? Она не только бескрайняя, в ней царит гармония, всеобщая симфония, единый порядок. Это не хаос, а полный порядок: все тут на своем месте. И всякий, кто хоть что-то смыслит, скажет, что это лучший из миров и ничего лучше быть не может.

Должно быть зерно, но оно совсем крохотное, еще меньше горчиного. Горчиное зерно – это миф, подсказка. Вопрос задавали рыбаки и землепашцы, и такое иносказание – притча о горчином зерне – было им понятным. Деление мифа на части ничего не даст. Анализируя религию, упускаешь главное; просто смотри, не выделяя частных, тогда и увидишь, а в отдельных частях не разглядишь ничего.

Доверие идет лишь одним путем: в самом зерне дерева не разглядишь, нужно пойти и посадить его в землю – вот что делает доверие. Кто доверяет, говорит: «Да, это зерно, и я верю, что оно может стать деревом. Я просто пойду и посажу его. Найду подходящее место и буду ухаживать за ростком. Буду ждать, молиться, любить, надеяться и мечтать...»

А что еще остается? Только посадить зерно – и ждать, мечтать, надеяться, молиться. Что еще с ним делать? И тогда в один прекрасный день, утром, ты проснешься – а зерно уже стало чем-то другим, из земли показался росток. Это уже не зерно, а молодое дерево.

Что происходит, когда зерно становится деревом? Это ведь тоже часть притчи. Зерно погибает – только так оно может стать чем-то большим. Бог погиб в этой Вселенной; он просто не мог оставаться прежним, он превратился в нее, слился с ней. Вот почему мы не видим Бога. Ищите хоть в Гималаях, хоть в Мекке или Каши, где угодно, – его нет нигде, потому что он здесь, повсюду, как зерно в огромном дереве. Зерна уже не найти, оно погибло, слилось с деревом и превратилось в него. Бог растворился в этой Вселенной, во всем, что есть, – он сам стал Космосом.

Он уже не что-то отдельное. Это не плотник, который сделал вещь, а сам остался плотником. Все иначе. Бог – как зерно: когда появляется дерево, зерно исчезает. И Бога можно снова найти, только если умрет его «дерево».

Индийцы говорят, что Бог есть лишь в начале и конце сотворения. В начале, когда мира еще нет, есть только зерно – беда только, что некому его увидеть, ибо мы – тоже часть дерева, его листья. А потом весь мир исчезает и наступает *пралайя*, дерево стареет и гибнет. На это обречено любое дерево – но, прежде чем высохнуть, оно дает новые зерна, миллионы семян.

В *пралайе* снова появляются миллионы богов – только нас уже нет, вот в чем все дело. Есть только один способ найти Бога: увидеть его здесь и сейчас, в каждом листочке. Не нужно искать конкретный образ, Кришну или Раму. Так никого не увидишь. Они тоже всего лишь отдельные листья – конечно, самые прекрасные, самые живые и зеленые, ведь они постигли Бога и знают, что он повсюду.

В словах Иисуса «царство Божье подобно зерну горчиному» миллионы тонкостей. В этом и кроется чудо притчи: казалось бы, всего пара слов, почти ничего не сказано – а столько

смысла! Когда гибнет зерно, появляется Вселенная; когда гибнет зерно, остается дерево. Это и есть царство Божье. Оно прямо здесь. Не тратьте понапрасну силы, не ищите его где-то еще. Если хочешь заглянуть в царство Божье, тебе тоже придется стать похожим на зерно и погибнуть – и тогда вдруг появится дерево. Тебя уже нет, есть Бог. Тебе Бога никогда не увидеть. Бог появляется, только когда тебя уже нет, и потому встретиться с ним невозможно.

Когда нет *тебя*, есть Бог; когда рука пуста, она наполняется Богом. Бог тут, когда тебя уже нет. Это еще один парадокс: зерно вмещает целое дерево, но то же зерно может его и убить. Зерно может слишком возгордиться и подумать: «Достаточно и меня». Если зерно боится умереть, его оболочка становится тюрьмой. Та скорлупа, что нужна, чтобы дерево уцелело и попало в хорошую почву, превращается в темницу – и тогда дерево гибнет еще в зародыше.

Вы похожи на зерна, которые стали тюрьмой. Будда и Иисус – это зерна, не превратившиеся в тюрьму: сами зерна погибли, оболочка раскрылась, но из нее показался росток.

Он сказал им: Оно подобно зерну горчичному,

самому малому среди всех семян.

Когда же оно падает на возделанную землю,

оно дает большую ветвь

и становится укрытием для птиц небесных.

...Когда же оно падает на возделанную землю... Нужна хорошая почва. Зерну нужно не просто погибнуть. Если оно умрет на камнях, дерево не вырастет, это будет глупая смерть. Нужно найти хорошее место и добрую почву – вот в чем смысл ученичества. Это подготовка. Ученик учится делать себя возделанной, плодородной землей. Зерно уже есть, осталось возделывать почву. Дерево уже там, внутри, и учитель просто помогает найти подходящее место. Он умеет возделывать землю, умеет пропалывать сорняки, умеет делать землю плодородной. Он садовник, он просто удобряет почву.

У вас уже все есть, нужен лишь садовник, иначе вы по-прежнему будете разбрасывать зерна куда попало. Они упадут на асфальт и умрут; они упадут на тропинку, и их растопчут прохожие. Нужен тот, кто позаботится о тебе, когда ты гибнешь. Смотрите: когда дитя рождается, нужна повивальная бабка. И никто не считает, что лучше обойтись без нее... Повитуха нужна, потому что всякое может случиться. А миг, когда рождается истина, еще важнее, ведь на свет появляется Бог. Это величайшие роды на свете!

Учитель – просто повитуха. Без учителя может произойти все что угодно: выкидыш или удушье. Учитель оберегает, ведь росток вначале нежен и беспомощен, с ним всякое может случиться. Появление на свет – дело опасное. Но если ты доверяешь – а доверие необходимо, другого выхода нет, иначе ты просто замкнешься в своей скорлупе и зерно никогда не умрет... Но если доверяешь, оно погибнет. Зерну никогда не увидеть дерева, вот в чем штука. А зерно хочет точно знать: «Когда я умру, я стану деревом». Но как убедить в этом зерно?

В вере есть какая-то бессмысленность. Вера нелепа! Ты просто хочешь гарантий: «Я могу стать санньясином, могу от всего отказаться, я готов даже умереть, но кто мне твердо пообещает, что после гибели зерна оно станет деревом?» Кто может это обещать и как можно в этом убедить? Пусть даже кто-то пообещает, но зерно, которому такое обещание дадут, все равно не в состоянии его проверить. Да и какие обещания убедят зерно в том, что после его смерти появится дерево? Их и придумать-то нельзя.

Вот почему вера нелепа. Верить в то, что невозможно проверить, – это и есть смысл веры. Ты веришь в то, чего не проверишь. Доказать невозможно, но ты все равно веришь. Зерно просто гибнет с глубокой верой в то, что станет деревом. Но нужна «возделанная почва», подходящее место. Смысл ученичества в том, чтобы стать плодородной землей.

Когда твое дерево вырастает, когда оно становится *деревом бодхи*, к нему слетаются миллионы птиц, которым нужен кров. Под сенью Иисуса и Будды находят укрытие тысячи «птиц небесных». Для тех, кто ищет глубочайшее, это дерево – дерево Будды, дерево Иисуса – ста-

новится укрытием, где можно ощутить прежде неведомый трепет. Дереву можно доверять, под ним можно постичь непознанное, оттуда можно сделать прыжок.

Царствие небесное подобно зерну горчичному...

Вы – царство небесное, вы подобны горчичному зерну! Не бойтесь погибнуть, готовьтесь к смерти! Конечно, будет страшновато, появится дрожь и нерешительность. Этот прыжок труден. Вы не раз передумаете, не раз остановитесь на самом краю, развернетесь и убежите, ведь впереди – бездна. Зерно способно увидеть лишь бездну, но не будущее дерево. Зерно никогда не увидит, как появляется первый росток, это просто невозможно. Зерну предстоит умереть, доверившись неизвестности, – и тогда это случится.

Это обязательно произойдет, если ты готов умереть. Пойди и брось в землю зерна, а когда пробьются ростки, раскопай почву и посмотри, куда делись семена. Их нет, они исчезли. Пойди и раскопай Будду или Иисуса – там нет человека, нет зерна. Вот почему Иисус перестал быть сыном плотника Иосифа и превратился в Сына Божьего – исчезло то зерно, которое родилось у Иосифа и Марии. Исчезло зерно, распалась оболочка. Дерево никогда не появится из видимого глазу, оно вырастает только из незримого.

Взгляните на Иисуса: нет больше зерна, есть только Бог. Не бойтесь умереть, чтобы родиться заново. Забудьте о теле, разуме, эго и личности, и тогда вы вдруг почувствуете, как внутри растет что-то новое – вы стали чревом, вы готовитесь к родам. Духовная беременность – вот высочайшее достижение, потому что так производят на свет самого себя. Ничто с этим не сравнится. Можно написать прекрасную картину, можно вылепить чудесную скульптуру, но ничто не сравнится с самотворчеством, самосотворением.

...Когда же оно падает на возделанную землю...

Не бойтесь умереть! Но прежде чем изготавиться к прыжку, станьте «возделанной землей» – по-настоящему скромным учеником; станьте им так, словно вас уже не стало. Скоро вас и вправду не будет – но к этому нужно готовиться и вести себя так, будто тебя и сейчас уже нет. И тогда

...Оно дает большую ветвь

и становится укрытием для птиц небесных.

Так было всегда. Вы тут, рядом со мной; мое зерно давно мертво – и потому вы рядом. Вы тут не из-за себя, а из-за *меня*. Но говорить «из-за меня» неправильно, потому что нет тут никакого *меня*. Зерно исчезло, есть только дерево. И если, глядя на меня, вы поймаете хоть проблеск того, что может случиться с вами, моя работа выполнена.

Царствие небесное подобно зерну горчичному...

Вы – зерна, вы – это грядущее царство. Готовьтесь умереть, ведь только так можно родиться заново.

На сегодня достаточно.

Глава 2

Иисус абсолютно парадоксален!

Беседа вторая

Иисус сказал:

*Может быть, люди думают,
что я пришел бросить мир в мир,
и они не знают, что я пришел бросить на землю
разделения, огонь, меч, войну.*

*Ибо пятеро будут в доме:
трое будут против двоих
и двое против троих.*

*Отец против сына и сын против отца;
и они будут стоять как единственные.*

Иисус сказал:

*Я дам вам то, чего не видел глаз,
и то, чего не слышало ухо,
и то, чего не коснулась рука,
и то, что не вошло в сердце человека.*

Иисус парадоксален, но его слова полны смысла. И, чтобы понять этот смысл, нужно очень многое учесть. Прежде всего, «мир» возможен, только когда все почти мертвы. Тогда не будет ни войн, ни противоречий, но и самой жизни не будет. Повсюду воцарится гробовая тишина. Но это бессмысленно: уж лучше война, ведь во время войны ты все-таки полон сил и жизни.

Есть и другой мир, совершенно иное измерение, когда ты по-прежнему полон жизни, но в ней появляется центр – когда познаешь себя и становишься просветленным, когда зажегся огонь и ты уже не во тьме. Тогда жизнь полнее, в ней больше тишины, но тишина эта – от жизни, а не от смерти. Это вовсе не безмолвие кладбища.

Вот какой парадокс нужно понять: война – это плохо, ненависть – это ужасно, это самое страшное зло на свете и с ним нужно покончить. Болезнь – плохо, здоровье – хорошо, и потому болезни нужно лечить. Но помните, что мертвец тоже ничем не болеет. Труп может разложиться, но никогда не болеет. И, если не понимаешь этого, твои усилия могут сделать мир мертвым. В нем не будет ни болезней, ни войн, ни злобы – но не будет и самой жизни.

Иисусу такой мир не по нраву. Мертвый мир бесполезен, так пусть уж лучше он останется прежним, со всеми его войнами. Но многие стремятся к мертвому миру, они просто все отрицают. Они говорят: «Лишь бы война закончилась, а там будет порядок». Но все не так просто. Кстати, так думают не только обычные люди, но и великие философы вроде Бертрانا Рассела. Он тоже считает, что, когда кончится война, все будет в порядке. Это и есть отрицание, ведь главная проблема – не сама война, а люди. Война не где-то там, снаружи, она внутри. И коль ты ведешь войну в своей душе, то непременно развяжешь ее снаружи. Но если начать войну внутри и одержать в ней победу, закончатся и внешние войны. Это единственный путь.

В Индии Махавиру называют *джинна* – «покоритель», «великий завоеватель». Слово «джинна» означает «победитель». Но он никогда ни с кем не воевал, почему же его так называют? Он был против насилия, против войн, против сражений. Почему же этого человека называли Махавирой, великим завоевателем? Это не настоящее его имя, вообще-то его звали Вардхаман. Что же случилось? В чем причина? Этот человек покорил самого себя, но стоит тебе покорить себя, как сама собой прекращается и борьба с другими. Война с другими – просто хитрость, позволяющая избежать внутренней войны. Если ты не в ладах с самим собой, есть только два выхода: либо страдать от внутренних раздоров, либо выплеснуть свою злость

на других. Внутреннее напряжение – это готовность воевать по любому поводу. Повод не так уж важен, главное на кого-то наброситься – на слугу, жену или ребенка.

Как еще избавиться от внутренних раздоров и тревог? Обвини в них кого-то другого, и тебе сразу станет легче. Ты зол, так выплесни свой гнев, стань жестоким – и наступит облегчение. Конечно, это облегчение будет временным, ведь внутри ничегошеньки не изменилось. Злость накопится снова, она по-прежнему будет нарастать. И завтра ненависти опять будет столько, что придется обрушить ее на окружающих.

Ты воюешь с другими потому, что продолжаешь копить в себе всякий хлам и от него время от времени приходится избавляться. Но человек, покоровивший себя, одержавший победу над собой, избавляется от внутренних раздоров. Его война закончена. Внутри него уже не двое, а только один. Такой человек никогда не станет вымещать зло на других, ни с кем уже не будет воевать.

Это просто хитроумная попытка прекратить внутренние раздоры, потому что эти распри – самые мучительные. Причин тому много, но главная в том, что каждый считает себя хорошим. Так уж мир устроен, что без подобного мнения жить очень трудно.

Психиатры говорят, что заблуждения необходимы для выживания. Пока не стал просветленным, ты просто вынужден жить иллюзиями. И если будешь считать себя плохим, злым, коварным – хотя так оно, по существу, и есть, – то просто не сможешь жить. Пропадет уверенность в своих силах, появится такое отвращение к себе, что не сможешь ни любить, ни двигаться, ни просто смотреть в глаза другим. Ты такой мерзкий, такой плохой и противный, что остается только умереть. Подобное ощущение ведет прямиком к самоубийству. Но все это – правда. Так что же делать?

Один путь – изменить такую правду, стать человеком от Бога, а не от дьявола, стать богоподобным. Но этот путь очень тяжел и долог. Слишком много нужно сделать, иначе дьяволу никогда не стать богом. Но это возможно! Вы, может, не задумывались об этом, но слова «дьявол» и «диво» родственные. Они происходят от одного и того же санскритского слова *дэва*. Дьявол может стать дивным, божественным, ведь когда-то случилось наоборот и божественное стало дьявольским. Возможность есть, это два полюса одной энергии. И энергия, которая стала горькой и противной, может опять стать сладкой. Нужно внутреннее преображение, внутренняя алхимия, хотя это трудно и долго. А разум всегда ищет короткие дорожки, путь наименьшего сопротивления. И потому он говорит: «Зачем быть хорошим на самом деле? Достаточно просто *считать* себя хорошим». Это и вправду легко, ничего делать не надо. Просто поверь, что ты хороший, считай себя красивым, возвышенным, несравненным – и эта иллюзия даст тебе достаточно сил, чтобы жить.

Но если даже вымысел придает столько энергии, то можно лишь гадать, сколько сил принесет постижение истины. Даже иллюзия того, что ты хороший, позволяет жить и двигаться, приносит огромную уверенность в себе. Даже заблуждение создает надежный центр равновесия, и этим центром становится эго. Настоящий центр тебя – вот что такое *ты*. Однако это возможно лишь после того, как осознаешь истину, – после того, как внутренние энергии преобразились, низшее превратилось в высшее, земное поднялось к небесам, дьявол стал дивом, а ты лучишься славой, которая отныне твоя. Семя стало ростком, горчиное зерно – раскидистым деревом.

Это длительный процесс. Чтобы не поддаваться искушению пойти коротким путем, нужна большая смелость и терпение. К тому же в жизни нет коротких путей; короткий путь – это иллюзия. Жизнь трудна, ибо люди растут только трудом и борьбой. Развитие никогда не дается легко. Задешево его не купишь, ведь то, что слишком просто, никогда не поможет расти. Помогают страдания – сама борьба и усилия, долгий путь, на протяжении которого становишься чутким, большим, опытным и зрелым. Разве можно вырасти без труда, как по волшебству? Есть, конечно, один способ... Сейчас это делают с животными, но рано или поздно начнут

делать и с людьми. Им впрыскивают гормоны. Так что есть другой путь: сесть на гормоны. Если десятилетнего малыша пичкать гормонами, он быстро догонит по росту и весу двадцатилетнего юношу. Но кто поверит, что при этом он станет таким же взрослым? На это все равно уйдет еще десять лет. Внутренняя борьба, половое созревание, умение владеть своим влечением, способность по-настоящему любить. Быть свободным и все же уметь подчиняться, быть свободным, но твердо стоять на ногах, ладить с другими, страдать от любви – этому гормоны не научат. Пусть человек и выглядит внешне лет на двадцать, но на самом деле ему по-прежнему всего десять лет. Гормоны дают рост только телу.

Но такое уже делают – с животными, овощами, деревьями. Дереву можно вспрыснуть что-то такое, от чего оно расцветет за год, хотя само по себе цвело бы только года через три. Но в таком цветении нет чего-то важного. Объяснить это трудно, мы ведь не цветы, но чего-то им недостает. Их заставили цвести, они не испытали естественной смены времен года. Плоды появятся быстрее, но и они будут незрелыми, в них будет что-то искусственное.

Природа не спешит. Помните: это разум спешит, а природа – никогда. Природа умеет ждать, ждать долго, хоть целую вечность. Да и зачем спешить? Жизнь продолжается, она никуда не денется и будет вечно. Но у разума всегда нет времени, он твердит: «Время – деньги!» Жизнь такого никогда не скажет. Жизнь говорит другое: «Переживи на опыте!» Время ее не заботит. Жизнь ждет, она умеет ждать, а разум торопится, ведь смерть слишком близка. Для жизни смерти нет, а для разума – есть.

Разум всегда ищет короткий путь. И самый легкий способ найти его – создать иллюзию. Достаточно считать, будто ты уже такой, каким хочешь стать. Так и возникают неврозы. Именно это случилось со многими обитателями психбольниц: они считают себя Наполеонами и Александром Македонскими. Они свято верят в это и ведут себя соответственно.

Я слышал, как один тип проходил лечение у психоаналитика. Пациент считал себя Наполеоном. Психиатр лечил его года три-четыре и наконец подумал: «Ну вот, теперь все в порядке». Так он и сказал: «Ты здоров, можешь идти домой».

«Домой? Ты хотел сказать, во дворец?» – поправил его пациент. Он по-прежнему считал себя Наполеоном.

Если уж ты стал Наполеоном, излечиться от этого очень трудно. Даже если тебя вылечат и приведут в порядок, ты все равно что-то потеряешь.

Генерал как-то заметил, что один капитан вечно пьян в стельку. Генерал вызвал его на беседу. Тот капитан был очень хорошим человеком. Почти все пьяницы – люди хорошие. Прекрасные люди, просто они ищут короткий путь. И генерал сказал ему: «Старина, ты замечательный человек, ты мне нравишься и все тебя любят, но ты ведь сам себя губишь. Если бы не пил, давно бы стал полковником!»

А капитан рассмеялся и ответил: «А зачем? Напившись, я чувствую себя генералом! Зачем что-то менять? Трезвым я могу надеяться разве что на чин полковника, а напившись, я – настоящий генерал!»

Иллюзия приносит слишком много удовольствия. Капитан не мог отказаться от своей иллюзии, с ее помощью он без труда становился генералом.

Разум ищет путь напрямик, а самый короткий путь – иллюзия. Майя – вот самый простой и дешевый способ добиться своего. Действительность сложна и трудна, наяву ты вынужден страдать, идти сквозь огонь и воду. Но чем больше ты прошел, тем взрослее стал, а значение имеет только зрелость. Божественность не купишь по дешевке на рынке, где можно поторговаться. За нее приходится платить всей своей жизнью. И получаешь ее, только когда на кону вся твоя жизнь.

С другими борешься, потому что это очень просто: себя ты считаешь хорошим, остальных – плохими, и война началась. Но если заглянешь в себя, то начнется война внутренняя: сам-то понимаешь, что это ты плохой и хуже тебя не сыскать. Если хорошенько приглядишься

к себе, то поймешь, что ты и есть абсолютное зло – и с этим нужно что-то делать. Начинается внутренняя война, душевная борьба.

И только внутренний конфликт – а это, запомните, особый прием, самый важный прием, которым пользуются уже долгие столетия, – только благодаря внутреннему конфликту ты можешь стать целостным. Когда разгорается внутренняя борьба, между противниками появляется новый центр, где сидит наблюдатель. При внутренней борьбе приходят в движение все энергии, в тебе страдает каждая клеточка. Возникает хаос, но из него на свет появляется кое-что новое.

Рождение заново требует хаоса. Сама Вселенная зародилась из хаоса. Для того чтобы родиться по-настоящему, нужен хаос. Вот что такое «война», о которой говорит Иисус. Он говорит: «Не мир я вам принес» – и это не значит, что он не намерен дать нам мир, просто он принес не тот дешевый мир, которого все хотят. Попробуем понять его слова:

*Иисус сказал: Может быть, люди думают,
что я пришел бросить мир в мир,
и они не знают, что я пришел бросить на землю
разделения, огонь, меч, войну.*

К таким учителям, как Иисус, часто приходят за миром, успокоением, не сознавая в своем невежестве, что обратились не по адресу. Таким, какой ты сейчас, мира не добиться. Даже если кто-то даст тебе его, это станет для тебя гибелью. Что будет, когда ты – такой, как сейчас, – обретишь покой? Это будет означать, что борьба прекратилась еще до того, как ты чего-то добился. Что будет, если тебе подарят тишину? Ты еще ничего не достиг, но уже успокоился – тебе и без того хорошо. Именно так можно отличить настоящего учителя от лжеучителей: лжеучитель утешает, приносит покой, не старается тебя изменить – он просто успокаивает. Он – словно таблетки снотворного: принял и спокойно уснул.

Настоящий учитель ведет себя иначе: он лишит тебя даже того покоя, который был в тебе, когда ты только пришел. Любая безмятежность тут же улетучится. Настоящий учитель вызывает мучения и борьбу. Он не станет тебя утешать, потому что он тебе не враг, а утешения – это отравы. Он поможет тебе вырасти. Рост дается трудно, по пути придется преодолеть много сложностей. И потому тебе не раз захочется удрать от этого человека – но и уйти ты не можешь, ведь ты знаешь, что он пойдет за тобой по пятам. Задача учителя – не утешать. Он просто не предлагает лживого мира. Он поможет тебе расти, и в один прекрасный день этот рост приведет к появлению цветка. Вот это цветение и есть настоящий мир, подлинная тишина. А все утешения просто лживы.

Ко мне много людей приходит, и я вижу зачем: они ищут утешения. Один приходит и говорит: «У меня беда. Мой ум не успокаивается, я не могу расслабиться. Помогите мне, благослови меня, чтобы я наконец-то обрел душевный покой».

Но что это значит? Что будет, если помочь ему успокоиться? Он уже никогда не изменится. Нет, так я не поступлю. Если настоящий учитель и начинает вдруг утешать, то на самом деле он просто ставит ловушки. Ты попадешься в силки успокоенности, а потом учитель шаг за шагом создаст необходимый хаос.

Через хаос непременно придется пройти, потому что ты, какой ты сейчас, устроен совершенно неправильно. В этом состоянии любой, кто тебя утешает, – твой враг. Из-за него ты понапрасну теряешь время, жизнь, энергию. Утешения ничем не помогут. Когда близится смерть, ты все равно позабудешь обо всех утешениях.

Один старик, потерявший сына, пришел ко мне и сказал: «Успокой мою печаль!»

«Не могу, – ответил я. – Это грех».

«Я только за этим и пришел», – настаивал он.

«Я верю, но ничем не могу помочь», – сказал я.

«Но я уже был у такого-то *шанкарачарьи*, и он меня успокоил! Он мне так и сказал: “Не печалься, не горюй, твой сын родится заново на одном из высших небес!”»

Я был знаком с сыном того старика и не очень-то в это поверил. Его сын был политиком, а все они попадают только в ад. Мало того, он был политиком преуспевающим, он был министром, а для этого нужна огромная хитрость и честолюбие. Разве мог он попасть на небеса? Тот старик, его отец, тоже был политиком. Вообще-то, его печалила не смерть сына. Прежде всего, его огорчала гибель тщеславия, ведь если бы сын был жив, то продолжал бы карабкаться все выше и выше. Старик сам всю жизнь рвался наверх, но он был глупее сына, не такой хитрый, даже простоватый. Он бился изо всех сил, принес в жертву лучшие годы своей жизни, но так и не получил достаточно высокого поста. И это его мучило, эта неудача причиняла боль. Потом он начал добиваться того же с помощью сына, и сын поднялся намного выше. Но теперь, когда сын умер, тщеславие лопнуло, никаких надежд на карьеру не осталось.

И, когда я объяснил ему настоящую причину его печали, он очень разволновался. Он сказал: «Я пришел за утешением, а ты только бередишь мои раны. Да, может быть, в твоих словах есть доля правды. Может быть, боль вызвана честолюбием и я оплакиваю вовсе не своего сына, а свои тщеславные мечты. Но зачем говорить об этом сейчас, когда мне так плохо? Мой сын умер, а ты ведешь себя слишком жестоко. Я ходил к *махатме* такому-то и *шанкарачарье* сякому-то, к самым разным гуру, и все меня утешали. Рассказывали, что душа вечна и никто не умирает, а мой сын – душа незаурядная, он попадет на самое высокое небо!»

Вот что такое утешения. Выслушивая от всех только слова утешения, тот старик упускал большую возможность измениться. Он упускал шанс увидеть собственное тщеславие – а главная проблема была именно в нем. Он мог бы понять, что честолюбивые замыслы бессмысленны и тщетны: ты вкладываешь в них все силы, а потом приходит смерть – и всему конец. Он мог бы понять это. Но больше он ко мне не приходил. Прежде он частенько бывал у меня, но с того дня не появлялся ни разу. Он ходил к другим – к тем, кто его утешал.

А вы сюда не за утешением, случайно, пришли? Если да, то ошиблись адресом. Послушайте, что говорит Иисус:

*Иисус сказал: Может быть, люди думают,
что я пришел бросить мир в мир,
и они не знают, что я пришел бросить на землю
разделения, огонь, меч, войну.*

Когда бы ни появился такой, как Иисус, мир мгновенно разделяется на тех, кто с ним, и тех, кто против него. Человека, равнодушного к Иисусу, просто не найти. И, как только появляются подобные Иисусу, мир тут же делится надвое: одни за него, другие – против, но равнодушных нет. К Иисусу невозможно относиться безучастно. Стоит услышать его слова, увидеть его, как ты сразу становишься на ту или иную сторону, влюбляешься в него либо начинаешь ненавидеть, пристраиваешься следом либо идешь в противоположном направлении, веришь ему или возражаешь.

Почему так выходит? Такие, как Иисус, – явление великое. Они не от мира сего. Они приносят в наш мир что-то запредельное. Кто боится запредельного, тут же становится его врагом – только так он может уберечь себя. Но те, у кого есть мечта, потаенное зерно, желание искать, тоска по запредельному, – те сразу оказываются во власти его обаяния, он тянет их, как магнит. Они влюбляются с первого взгляда, поскольку ждали такого человека на протяжении долгих жизней.

Мир мгновенно делится надвое: ты либо за Христа, либо против него. Третьего не дано: он никого не оставляет равнодушным. Никто не скажет: «А мне все равно» – это невозможно, ведь тот, кто окажется ровно посередине, станет самым Иисусом. Тот, кто посередине, не любит и не ненавидит – он уже выше разума. Удержаться на разделяющей черте практически невозможно: ты просто упадешь вправо или влево, окажешься на той или иной стороне. Иисус вол-

нует – и не только отдельных людей, но и все общество, всю планету. Повсюду возникают столкновения, начинаются большие войны. С тех пор как пришел Иисус, на земле не было мира. Иисус создал религию. Он принес нечто новое, из-за чего мир разделился надвое, а в умах началось брожение. Он стал центром истории. Так и говорят: «до Рождества Христова», «после Рождества Христова» – он стал началом отсчета.

Иисус разделит историю, разделит собой само время. Он стал границей, как если бы до него время имело одни свойства, а после обрело другие. Иисус стал началом истории. Его отношение, его подход к человеческому уму совсем не похож на взгляды Будды или Лао-цзы. Конечная цель та же, завершающее цветение будет таким же, и все же у Иисуса совершенно иной подход. Он ни на кого не похож.

Что же он говорит? Он говорит, что роста добиваются в борьбе, равновесие обретают в столкновении противоположностей, войной утверждают мир. Но не нужно понимать это слишком буквально: что бы он ни говорил, это притча. В христианстве его слова восприняли буквально – и упустили самое важное. Христиане взяли в руки меч и без нужды убили миллионы людей, хотя Иисус имел в виду совсем другое. Но церковь Иисуса стала воинственной церковью и пошла в крестовый поход. Христиане бились с мусульманами, индуистами, буддистами – они сражались везде и со всеми. Но они упустили главное.

Иисус говорил о другом. Он не призывал взяться за обычное оружие. Он принес меч из другого мира. Что это за меч? Это просто символ. Нужно рассечь себя надвое, потому что в тебе слились две части: этот мир, эта земля – и небеса. В каждом есть то и другое. Одна часть тебя слеплена из грязи, другая – божественно чиста. Ты – место их соединения, а Иисус принес меч, которым каждый может разрубить себя пополам, чтобы земное приникло к земле, а божественное вознеслось к небу.

Но человек не может различить, что принадлежит земному. Кто именно хочет есть, когда чувствуешь голод? Иисус сказал: «Вот, возьми мой меч и разреши!» Голод относится к телу, это телесная потребность. Сознание не испытывает голода, оно просто сознает его, так как у тела сознания нет.

Вы, может, слышали эту старую историю из «Панчатантры»...

Случился как-то в большом лесу пожар. А в лесу были тогда двое – слепой и безногий. Хромой не мог ходить, но был зрячим, а слепой мог бегать, но ничего не видел. И они договорились так: слепой усадит хромого на плечи, а тот будет подсказывать, куда идти. Один видел, другой мог ходить – так они вдвоем стали одним полноценным человеком, выбрались из леса и спаслись от огня.

Это не просто сказка. Именно так устроен каждый. Одна его часть ощущает голод, но не понимает, что это. Тело хочет есть и пить, тело испытывает половое влечение, тело хочет отдохнуть – это исключительно телесные нужды, но глаза есть только у сознания, все это понимает только «я». Они тоже по-своему договорились: без тела сознание не может передвигаться, вообще что-то делать, а тело без сознания не понимает, что ему нужно – еда или вода.

«Меч» Иисуса означает, что нужно постичь этот договор, провести разделение. Земное – от земли, и потому о земном надо заботиться, только без одержимости. Когда хочешь есть, еда требует тела. Твое дело – понять это и утолить голод, но без излишеств. Однако многие слишком увлекаются. Они едят, едят и едят, а в один прекрасный день им так надоедает есть, что они бросаются голодать – и голодают, голодают, голодают... То и другое – одержимость, переедать – так же глупо, как и не есть ничего. Нужно равновесие. Но как его добиться? Надо разделить себя на две части и хорошенько понять, что земное, а что – нет. Это и есть «меч» Иисуса. Он говорит:

*...я пришел бросить на землю
разделения, огонь, меч, войну.*

Почему «огонь»? Пламя – старинный каббалистический символ и очень древний индуистский символ. Индуисты издавна говорят о внутреннем огне; его называют *тап*, «жар». А разжигание внутреннего огня, чтобы внутри был жар, называют *ягна*. Есть много приемов разведения внутреннего огня. Сейчас он еле тлеет где-то под кучей золы. Его нужно найти, выпустить на волю, раздуть. Чтобы пламя разгорелось, ему нужна новая пища. И когда внутренний огонь пылает ярко, ты внезапно преображаешься – ибо нет изменений без горения. Мы греем воду до определенной температуры, доводим ее до ста градусов – и вода закипает, превращается в пар, приобретает совершенно иные свойства.

Вы замечали, как непохожи вода и пар? Вода всегда течет вниз. Это ее природа, вверх она никогда не течет, это невозможно. Но при ста градусах, когда вода испаряется, меняется и ее сущность: пар поднимается вверх, а вниз никогда не опустится. Изменилось одно из самых характерных свойств, и случилось это благодаря теплу.

Что есть в любой химической лаборатории? Огонь. Без огня не проведешь ни одной реакции, это основа любого изменения, преобразования, превращения. А мы сами разве не огонь? Что мы делаем, чтобы поддерживать в себе жизнь? Мы дышим – а чем? Кислородом, но кислород – это просто топливо для огня. Когда бежишь, нужно больше тепла, и потому дышишь чаще обычного. Когда отдыхаешь, тепла нужно меньше и дыхание замедляется – кислорода и так хватает. Кислород питает пламя. Без кислорода нет огня, потому что горит именно кислород. Каждый из нас – огонь, ведь мы каждый миг поддерживаем в себе тепло с помощью еды, воздуха и воды. Когда тепла слишком много, от него приходится избавляться. Про половое возбуждение говорят: «сгорает от любви», и в этом есть смысл, ведь сексуальное желание – тоже вид тепла. Это тоже тепло, и когда в тебе больше огня, чем можешь удержать, его нужно выпустить наружу, а секс – одна из отдушин.

Знаете, что в жарких странах половое влечение у людей острее? Первые книги по сексологии тоже родились в жаркой стране: «Кама-сутра» Ватсьяны, «Кока-шастра» пандита Кока. Первые фрейдисты были жителями Востока, и появились они за три тысячи лет до Фрейда. На Западе секс стал важным совсем недавно. В северных странах телу не хватает огня на повышенное влечение. На Западе секс приобрел важность всего три-четыре века назад. Сейчас в стране может быть суровый климат, но всюду есть центральное отопление. Людям просто уже не так холодно, как прежде, когда на обогрев тела уходил почти весь внутренний жар. Вот почему на Востоке население растет намного быстрее, и ничего с этим поделать нельзя, а на Западе с перенаселением пока нет проблем.

Я вот слышал одну историю:

Когда на Луну ступили первые русские космонавты, их уже встретили там три китайца. Русские с удивлением переглянулись и спросили: «Как вы умудрились раньше нас сюда добраться? У вас ни ракет нет, ни технологии – ничего. Как вам это удалось? Просто чудо какое-то! На чем вы долетели до Луны?»

А китайцы ответили: «Никаких чудес, простая арифметика. Человечек на человека – и мы тут!»

Если китайцы или индийцы захотят дотянуться до Луны, им достаточно встать друг другу на плечи – и все дела. Стоит им сообразить это, и они куда угодно дотянутся!

Секс – явление тепловое, оно связано с огнем. Когда пламя разгорается, усиливается и влечение; когда огонь слаб, о сексе и не вспоминаешь. Огонь – причина всего, что происходит внутри, будь то половое влечение или духовное преображение.

Индуисты, каббалисты, иудаисты и суфии... Иисус учился в есеейской общине. Это было самое тайное, самое оккультное общество, и там знали много приемов раздувания внутреннего огня. Это не просто пламя, это сокровенный огонь, благодаря которому продолжается жизнь. И если усилить этот огонь до определенного уровня... но этого можно добиться, только не растрачивая тепло впустую, и потому все религии, где используется внутреннее пламя, секс не

одобряют. На секс уходит столько тепла, что развести жар до нужного уровня просто не удастся. Отдушина слишком велика. Все отдушины нужно закрыть, чтобы тепло не просачивалось наружу и температура внутри поднялась до ста градусов – тогда происходит полное изменение. Душа и тело разделяются – меч сделал свое дело! И тогда ты понимаешь, что в тебе от земли, а что – от небес. Ты знаешь, что дали тебе отец с матерью, а что даровано незримым началом.

...огонь, меч, войну...

Нужна внутренняя война. Не стоит дремать, не нужно расслабляться, пока расслабленность не придет сама собой – но это уже совсем другое дело. Нужно бороться, вызывать столкновения. Нужно *трение*! Трение – вот самое подходящее слово для внутренней войны. Гурджиев работал с трением, он вызывал трение в теле. Может, это не очень понятно, но вы пока просто запомните, а когда-нибудь поймете: в нашем теле есть несколько слоев энергии. Пока нет трения, можно пользоваться только самым поверхностным слоем, но, когда возникает борьба, поверхностный слой быстро иссякает, а за ним открывается второй, третий...

Допустим, ты всегда ложишься в десять вечера. Но завтра ровно в десять, когда вдруг почувствуешь, что глаза слипаются, не иди спать. Этим приемом – бодрствованием – часто пользовались суфии, им пользовался и Иисус. Он порой не спал ночами, а в пустыне он не спал сорок дней и ночей. Он был один и не спал. Что при этом происходит? Если ты не уснул как обычно, в десять, первые минуты тебе страшно хочется спать, глаза сами собой закрываются. Но если борешься, сопротивляешься, возникает трение, ведь ты словно делишься надвое: один хочет спать, а другой – не хочет. Эти двое сражаются. И если будешь стоять на своем и не поддашься, то почувствуешь вдруг, что сон как рукой сняло – ты бодрее, чем утром. Сон улетучился, ты свеж и бодр, и теперь, даже если ляжешь, вряд ли уснешь. Что же случилось? Трение между двумя желаниями вызвало энергию, прилив сил.

Трение всегда создает энергию. Вся техника основана на созидаемом трении, которое рождает энергию. Любой генератор – это устройство для трения, в нем происходит борьба, война между двумя частями. И ты тоже развязываешь войну: тело хочет спать, а сознание – не хочет. Возникает трение, а оно порождает много энергии.

Но если поддашься желанию спать, дела плохи. Если ты сдался, то тело победило, а сознание проиграло. Поэтому, раз уж решился на это, стой до конца, иначе лучше вообще не пробовать. Приемы, связанные с трением, довольно опасны. Если уж решил воспользоваться одним из них, ты просто обязан победить. Проигрывая, теряешь слишком многое – уверенность в себе. А если много раз проигрываешь, у тебя все меньше шансов когда-нибудь победить.

Если решил воспользоваться трением, нужно побеждать любой ценой. В сражения вступают, чтобы побеждать. И, если победишь, тебе откроется новый слой энергии. Это и понятно: когда побеждаешь, тебе достается энергия другой, противодействующей половины и ты становишься сильнее. Поэтому каждая победа делает тебя сильнее, еще сильнее – вплоть до того мгновения, когда сознание поглощает всю энергию тела.

Трением очень часто пользовался Гурджиев. Он прибегал к невероятно опасным приемам. Уже в глубокой старости, всего за пару лет до смерти, он подстроил очень опасную аварию. Он ее подстроил, это был не просто несчастный случай. В жизни таких людей, как Гурджиев, случайностей не бывает. Они так бдительны, что случайности просто невозможны. Но он допустил эту аварию, а может быть, и сам ее подстроил, – в общем, это было дело его рук.

Он всегда ездил очень быстро, но за всю жизнь ни разу не попал в аварию. Больше того, он водил машину очень рискованно. У всех, кому доводилось сидеть рядом, захватывало дух: казалось, все решают доли секунды... Гурджиев был просто сумасшедшим, для него не существовало ни знаков, ни светофоров. Он как хотел, так и ездил, причем на бешеной скорости, и все решали доли секунды – но в аварию не попал ни разу.

И однажды утром, когда он собирался съездить в Париж из своего ашрама в Фонтенбло, кто-то спросил: «Когда вы вернетесь?»

А он сказал: «Если все будет так, как я рассчитываю, то к вечеру. Но точно сказать не могу».

И вечером, когда он возвращался, произошел тот несчастный случай. Авария была страшной, и врачи уверяли, что в таком столкновении выжить невозможно. Человек просто не мог выжить: машина разбилась в лепешку. Но Гурджиев выжил. У него обнаружили шестьдесят переломов по всему телу. Он практически разлетелся на куски. Но, когда его нашли, он был в полном сознании. Гурджиев лежал под деревом очень далеко от места аварии. Он сумел отойти в тень и лежал под деревом в полном сознании. Не в беспамятстве! И в больнице он оставался в сознании. Он даже сказал, чтобы ему не давали обезболивающего, – ему хотелось все сознавать.

Это был величайший прием создания трения в теле. Тело Гурджиева оказалось на грани смерти. Он сам подстроил эту аварию и потому хотел оставаться в сознании. Он ничего не пропустил и добился в тот миг самого грандиозного равновесия, какое только доступно человеку. Он настолько укрепил сознание, что земное полностью отделилось от духовного. Тело стало просто носителем; Гурджиев по-прежнему мог управлять им, но уже не имел с ним ничего общего.

Вот что имеет в виду Иисус, когда говорит:

Я принес огонь, меч, войну —

*Хотя, может быть, люди думают,
что я пришел бросить мир в мир...*

Ибо пятеро будут в доме:

*трое будут против двоих
и двое против троих.*

Отец против сына и сын против отца;

и они будут стоять как единственные.

...*Ибо пятеро будут в доме...* Это притча: в нашем теле есть «пятеро в доме» – пять органов чувств, пять индрий. Где-то внутри есть пять тел, ведь у каждого органа чувств есть свой центр, и каждое из них тянет нас в свою сторону. Глаза говорят: «Посмотри, как красиво», а руки твердят: «Дотронься, это так приятно». Глазам не интересно щупать, рукам не интересно глядеть на красивое тело или стройное дерево.

Органы чувств живут своей, независимой жизнью, а разум просто координирует их работу. Он просто согласует одно с другим. Вы видите меня и слышите. Вы слышите ушами, а видите глазами. Но глаза не умеют слушать, а уши ничего не видят, так откуда вы знаете, что слышите того же человека, которого видите? Почему вы в этом уверены? Потому что разум согласует одно с другим. Это компьютер: он получает сигналы от глаз и ушей, совмещает их и приходит к выводу, что они согласованны.

Приемы создания трения, которыми пользовался Гурджиев и Иисус... А те, кому известна сокровеннейшая тайна жизни Иисуса, знают, что не его распяли, – он сам, как и Гурджиев, подстроил свою казнь. Это была трагедия, которую придумал сам Иисус.

Распинавшие его считали, что все в их власти, но такого человека, как Иисус, не заставишь умереть. Он без труда скрылся бы от врагов. Всем было прекрасно известно, что его собираются поймать. Он без труда ушел бы из города, он успел бы даже страну покинуть, это было не трудно – но пришел в столицу по своей воле. Говорят, он сам все подстроил, а Иуда был не предателем, а верным помощником, который помог Иисусу осуществить этот план. Все происходило по замыслу самого Иисуса.

Что же случилось на кресте? Последняя внутренняя война, величайшее трение. Он умирал, но не терял веры в Божественное; земное возвращалось к земному, разделенность стала полной, совершенной – Иисус совсем не отождествлял себя с телом. И он сам все это подстроил.

Гурджиев говорил, что распятие Иисуса было драмой, но автором этого спектакля был не Понтий Пилат, не иудейский первосвященник, а сам Иисус. Он это подстроил, и замыслил все так тонко, что и поныне никто не понял – во всяком случае, в точности, – что и как тогда случилось.

Трудно вообразить, что человек может уготовить казнь самому себе, но это и есть религиозность: ты сам руководишь своим распятием. Пойти на крест – это вершина трения, потому что там ждет смерть.

Иисус сказал:

*Ибо пятеро будут в доме:
трое будут против двоих
и двое против троих.*

Нужно вызывать трение. Органы чувств должны вступить в битву, и борьба эта должна быть осознанной. Они и так все время сражаются, просто вы не замечаете: вы крепко спите, а бой идет. Глаза постоянно спорят с ушами, а слух – со зрением; они соперничают.

Замечали, что у слепых слух намного тоньше, чем у зрячих? Именно поэтому слепые нередко бывают чудесными музыкантами и певцами. Почему? Они лучше чувствуют звук, ритм, их слух куда тоньше обычного. Почему? Потому, что у слуха больше нет соперника. У слепых уши пользуются той энергией, которая обычно уходит на зрение; у зрячих глаза и уши соперничают.

На зрение уходит около восьмидесяти процентов энергии тела, а остальным четырем органам чувств остается всего пятая часть общей энергии. Они голодают, они постоянно сражаются. Глаза стали главной, господствующей силой. Вы живете глазами, при этом некоторые органы чувств у вас почти мертвы. Многие вообще не чувствуют запахов, обоняние у них давно погибло, но никто и не беспокоится, никто даже не замечает, что давно не чувствует запахов. Глаза полностью подавили нос, потому что он совсем рядом и его легко подавить. В детстве ощущаешь запахи четко, но со временем обоняние притупляется: все больше энергии уходит на зрение. Глаза стали вашим центром, а это не так уж и хорошо.

Многие приемы позволяют создать трение, сталкивая друг с другом органы чувств. Можно, например, несколько месяцев не открывать глаза. Энергия начинает перемещаться, это чувствуется. Если месяца три не раскрывать глаз, то почувствуешь, как энергия перетекает к ушам и носу. Вернется обоняние, мир снова наполнится запахами. В некоторых школах есть приемы, позволяющие целиком отделить одни чувства от других, – так возникает трение. Если на три месяца запечатать уши и только смотреть, ничего не слыша, то со временем увидишь постоянное перемещение энергии.

И, когда замечаешь, как сражаются твои органы чувств, ты отделяешься от них, становишься посторонним наблюдателем. Ты – уже не твои глаза, уши, руки или тело. Ты – просто наблюдатель. Борьба протекает в теле, а ты следишь за ней со стороны. Вот в чем глубинный смысл этой притчи, хотя у нее есть и другое, более явное значение.

*Ибо пятеро будут в доме:
трое будут против двоих
и двое против троих.*

*Отец против сына и сын против отца;
и они будут стоять как единственные.*

Это правда и в буквальном смысле: в семье из пяти человек трое будут против двоих и двое против троих. Если в семье появляется вдруг человек религиозный, возникает трение, потому что религия – заклятый враг семьи. Родные стерпят все, кроме религиозности, ибо, став религиозным, ты больше не считаешь себя своим телом.

Семья неразрывно связана с телом. Отец – он потому твой отец, что благодаря ему появилось на свет твоё тело. И ты неразрывно связан с отцом, пока считаешь себя телом. Но что

происходит, когда понимаешь, что ты – не тело? Кто тогда отец? Что связывает тебя с ним? Мать родила твоё тело, но не тебя самого. Просто ты считал себя телом и потому думал, будто мать родила именно *тебя*.

Но когда ты уже так не считаешь, когда тело становится чем-то посторонним – кто тогда мать? Она родила не тебя, а только твоё тело, которое рано или поздно погибнет. Мать вовсе не подарила тебе жизнь – скорее, она подарила тебе ещё одну возможность умереть. И когда ты прекращаешь считать себя телом, родственные узы рвутся, ты лишаешься семьи.

Семья готова стерпеть все, даже если дочь станет шлюхой. Ничего, обойдется как-нибудь... Может быть, это к лучшему, ведь так дочь лишней раз убеждается, будто она – это её тело. Пусть ты стал пьяницей – ничего страшного, ведь ты по-прежнему считаешь себя своим телом. Это пустяки, это можно стерпеть. Но если ты начал медитировать, если стал санньясином – вот это настоящая беда. Дела плохи, ведь ты становишься свободным. Родня уже не властна над тобой, ты уже не член семьи – ты вообще не от мира сего.

Потому Иисус и сказал: «Отец будет против сына и сын против отца». Он пришел разделять, разрушать, вызывать борьбу и трение.

Как это верно! Можешь почитать Будду, но спроси, что думает о нем отец Будды – а он против. Спроси родственников Будды – все они против, потому что Будда вышел из-под их власти. Хуже того, он и другим помогал освободиться от власти общества, в том числе и семьи.

Семья – ячейка общества. Освобождаясь от общества, поневоле отстраняешься от семьи. Это не значит, конечно, что нужно ненавидеть свою родню. Не в этом смысл. И бунтовать против домашних не стоит – дело не в этом. Рано или поздно это случится само собой: как только начинаешь постигать себя, все, что было раньше, разрушается, воцаряется хаос. Что тут поделать? Семья будет тянуть тебя в прошлое, попытается вернуть назад. Родные приложат к этому все силы. Так что же делать?

Есть два пути, и старый сводился к побегу. Уйди от семьи, не давай им возможности тянуть тебя назад. Но лично я считаю, что этот способ уже устарел. Есть другой путь: остаться с семьей, но вести жизнь притворщика: не давать родным шанса понять, что ты давно уже не с ними. Иди вперед! Пусть эти странствия будут внутренними, а внешне соблюдай все приличия: кланяйся в пояс отцу и матери, и вообще – умей притворяться.

Старым путем могут пойти далеко не все. Именно поэтому в мире стало меньше религиозности. Кто сейчас может позволить себе уйти от мира? Даже если попытаешься, общество не оставит тебя в покое. Во времена Будды, Махавиры и Иисуса люди уходили от семьи тысячами. Но это были лишь тысячи – а миллионы оставались, и о них тоже следовало позаботиться. Если бы побег был единственным путем, все поголовно никогда не смогли бы стать религиозными. Кроме того, в побеге есть что-то постыдное, так что лучше воспользоваться другим, более изящным путем – просто умело притворяться.

Санньясин должен быть хорошим актером. Под притворством я понимаю вот что: формальности тебя уже не волнуют, но ты по-прежнему им следуешь. В глубине души ты отстранен, но и виду не подаешь, будто тебе все равно. Зачем это явно показывать? Все вокруг тут же кинется тебя менять. Не давай им шанса. Это внутренние искания, а внешне можно соблюдать любые приличия. И все будут счастливы, ведь формальности соблюдены. Люди живут показными поступками, внутренняя религиозность их не волнует. Им не важно, любишь ты сердцем или нет, – достаточно показать, будто любишь.

Есть два пути. Есть путь Будды, путь Иисуса – и путь Джанаки, мой путь. Выбирайте любой, только и виду не подавайте, что изменились, стали религиозными, от этого будут одни лишь неприятности, а вы пока не очень сильны. Пусть война будет внутри, а снаружи царит мир. Достаточно и внутренней борьбы – благодаря ей растут, она приносит зрелость.

...Отец против сына и сын против отца;

и они будут стоять как единственные.

Важно понять слово «единственные». Оно означает «одинокие». Став религиозным, ты остаешься один. Общество исчезает, ты один. И умение смириться с этим – самое большое изменение, какое только может с тобой произойти, потому что разум боится одиночества. Разуму нужны другие, чтобы было за кого держаться, на кого положиться. В одиночестве страшно, ты дрожишь. Как, я один?.. И ты со всех ног кидаешься к обществу – бежишь в клуб, на собрание, в секту или церковь, куда угодно, лишь бы оказаться в толпе, где чувствуешь, что ты не одинок, где можно затеряться среди других. Вот в чем важность толпы. Хоть кино, хоть ипподром – главное, чтобы была толпа, где уже не чувствуешь себя одиноким и можно расслабиться.

Но религиозный человек одинок, потому что взбирается на высочайшую вершину. Ему нельзя сливаться с толпой. Он должен многое вспомнить, ему нужно думать, больше сознавать и быть начеку. Он должен постичь одну истину: все на свете одиноко, нет никакого единства. Наше сознание – одинокая вершина. Но в этом и прелесть, так что не стоит пугаться. Представьте, что на вершине Эвереста собралась целая толпа – пропадет все очарование! Эверест так прекрасен и заманчив именно потому, что это одинокая вершина. Религиозный человек похож на Эверест: он – одинокая вершина, он один, он живет одиночеством и радуется ему. Это не значит, что он чурается общения, это не значит, что он никого не любит. Напротив, только тогда и можно любить по-настоящему! Только тогда и можно общаться свободно, ведь есть только ты. Когда ты в толпе, тебя нет – как же можно любить? Религиозный человек любит, но эта любовь – не наркотик, в ней не забудешься. Он делится любовью, он может отдать себя без остатка, и все же остаться собой. Религиозный человек отдает себя целиком, но не исчезает, ибо остается одинокой вершиной. Там, в этой сокровенной святине, он всегда одинок. Никто другой туда не войдет. Никто другой и не может туда войти.

В потаенном уголке своей души мы всегда одиноки.

Одиночество незапятнанно, одиночество красиво...

Но вас оно пугает. Вы привыкли к обществу. В нем вы родились, оно вас вырастило, и теперь вы совсем забыли, что такое одиночество. Но остаться одному хотя бы на пару дней, просто чтобы ощутить себя одиноким, – это прекрасно. Потом можно вернуться на шумный базар, только не забудьте взять с собой одиночество! Не теряйтесь в толпе. Будьте начеку, сознавайте. Вернитесь в общество, войдите в толпу, но не забывайте себя. При желании одиноким можно быть даже в толпе. И даже наедине с собой можно чувствовать себя так, будто вокруг толпа. Ты можешь уйти в Гималаи, но стоит подумать о людном базаре – и ты опять в толпе.

Вот что было с Джунаидом. Он пришел к учителю, а тот сидел в храме. И когда Джунаид показался в дверях, учитель сказал: «Эй,ходи один! Не нужно тащить за собой всю эту толпу!» Джунаид оглянулся: он пришел один и подумал, конечно, что за спиной есть кто-то еще. Но там никого не было. А учитель рассмеялся и сказал: «Ты не по сторонам гляди, а в свою душу!»

Джунаид закрыл глаза и понял, насколько прав учитель. Жена осталась дома, но Джунаид все время думал о ней. Дети были дома, но Джунаид постоянно видел их лица. В голове до сих пор звучали голоса друзей, с которыми он недавно простился.

«Давайте, выходите, и пусть зайдет один Джунаид, – потребовал учитель. – Я не могу говорить с целой толпой!»

И Джунаид вернулся в храм лишь через год. Только через год он освободился от этой «толпы». И спустя год он услышал голос учителя: «Джунаид, теперь ты готов,ходи. Теперь ты один, и мы можем поговорить».

Можно тащить за собой целую толпу – но можно быть среди толпы и оставаться одиноким. Попробуйте вот что: в следующий раз, когда попадете на людный базар, постарайтесь ощутить свое одиночество – а вы и вправду одиноки, так что можете его почувствовать. И,

ощутив себя одиноким, вы сразу поймете, что стали «единственным». Иисус говорит, что пришел сделать вас «единственным», одиноким:

*Я дам вам то, чего не видел глаз,
и то, чего не слышало ухо,
и то, чего не коснулась рука,
и то, что не вошло в сердце человека.*

Ваши глаза видят то, что снаружи, но внутрь не заглядывают – не умеют. Ваши уши слышат то, что доносится извне, но внутреннего не замечают – не умеют. Вы обращены наружу, все ваши органы чувств. Нет ни одного внутреннего органа чувств. Но когда они прекращают работу, ты вдруг оказываешься внутри себя – там, куда органы чувств не проникают.

Иисус сказал: «*Я дам вам то, чего не видел глаз*». Но сначала нужно стать «единственным». Вот что я понимаю под санньясой: одиночество. Сначала стань санньясином, пойми, что ты одинок, и научись мириться с этим. Не бойся. Лучше радуйся этому, сумей понять, насколько это прекрасно, сколько в одиночестве тишины, чистоты и невинности. Никакой грязи, ведь в эту святыню не войдет никто, кроме тебя. Она остается девственно чистой – никто тут не был и никого не будет.

В тебе скрыта непорочность. Стань санньясином, «единственным» – и тогда, как сказал Иисус, «*я дам тебе то, чего не видел глаз*».

Когда ты стал «единственным», совершенно одиноким, ты быстро постигнешь, чего не видел глаз, чего не слышало ухо, чего не коснулась рука. Разве можно коснуться себя? Можно дотронуться до своего тела – но это не ты. До истинного «Я» рука не дотянется, сознание не пощупаешь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.